

И. П. Нестеренко

Воевал в должности стрелка-автоматчика в составе 179-го Краснознаменного стрелкового полка 79-ой Сахалинской дивизии на 2-ом Дальневосточном фронте. С 1975 по 1987 годы работал заместителем начальника Дорожного управления рабочего снабжения Дальневосточной железной дороги. До 1995 года – в военизированной охране ДВЖД. После выхода на заслуженный отдых, являясь членом совета ветеранов Управления дороги, активно занимался военно-патриотической работой с молодежью. Награжден орденом Отечественной войны II степени, медалью «За победу над Японией».

... Привезли нас в Николаевск-на-Амуре. Там приняли присягу, получили обмундирование, пробыли там месяц. Затем нас, 200 с лишним человек, посадили на судно и в июле месяце отправили в город Александровск-Сахалинский. Корабли стояли на рейде, а нас выгружали на берег с использованием катеров и плашкоутов. На этих же судах перевозили танковую часть, которая была переброшена на остров с западного фронта. Разместились в армейских казармах. Повели нас куда-то, 240 км южнее Александровска, где в поселке Онор располагался штаб дивизии. Это было недалеко от границы с Японией, которая проходила по 50-й параллели острова. Интересно, что во время войны с Германией на западный фронт не призвали ни одного жителя Сахалина. И пополнения с материка сюда не поступало. Наш «десант» был первым воинским пополнением, и встречали нас с оркестром. По договору с Японией 1905 года, близ границы не должно было находиться ни одно армейское подразделение, а только части пограничников. Шли маршевым порядком несколько дней. Ночевали в зданиях школ. В июле 1945 года на острове (не на побережье) стояла очень жаркая погода, несмотря на то, что Сахалин приравнивается к северным районам.

Наш 179-ый стрелковый полк дислоцировался близ деревни Абрамовка у самой границы. Там нас разбили по ротам и оставили на карантин, где мы занимались тем же, что и в военных школах: с утра – политучеба, после обеда – строевая подготовка. Считаю, что вся наша молодежь получила очень хорошую воинскую подготовку. Меня направили в 1-ю автоматную роту (было две таких роты). Мне выдали автомат ППД (автомат Дегтярева) с круглым дисковым магазином. Во время карантина жили в палатках, хотя рота имела свои зимние квартиры. Так прошло недели две-три. Потом «солдатское радио» сообщило, что если будет дан сигнал из противотанкового ружья, то 1 выстрел означает – внимание, 2 выстрела – учебная тревога, 3 выстрела – боевая тревога.

7 августа 1945 года услышали первый, второй и третий выстрелы из ПТРа. Подошли офицеры из штаба и забрали нас в расположение своих подразделений на границу. Окопы, примерно в рост человека, обшитые лесом, внизу положено сено. Там болотистые места, и в окопе вода хлюпает, грязь. Здесь мы стали нести боевую службу. Охраняли свои участки от одного ориентира до второго. Меня поставили в дозор наравне со всеми старослужащими. Некоторые из бойцов несли службу в течение семи лет с 1938 года. Отслужив три года, им надо было бы демобилизоваться, но началась война с Германией. Нас, молодых, они по-отечески всячески опекали. Отношение было очень доброжелательным. Называли нас сынками, а в шутку – «салагами».

В ночь с 7 на 8 августа по приказу командования взвод советских бойцов перешел границу. Их задача была уничтожить японские полицейские посты-заставы. А 9-го числа весь полк двинулся в заданном направлении через границу. У нас направление было на населенный пункт Котон (Победи-но). Передвигались в условиях бездорожья. С нами не было тяжелого вооружения, артиллерии, хотя полк и имел на вооружении 45-миллиметровые противотанковые орудия. С собой у бойцов было только личное оружие и батальонный миномет. Ребята у нас, особенно старослужащие, были боевые и дружно пошли в атаку. На второй день ворвались в Котон, заняли вражеские окопы, но доты ничем взять не могли. Укрепрайон у японцев был с западного до восточного побережья. В нем – двухметровые бетонные доты, в которых находились пулеметы и артиллерийские орудия.

Дважды брали этот населенный пункт, но японцы выбивали наших бойцов, которые вынуждены были его оставлять вновь. Потому что каждая высота, каждая ложбина, вся местность была пристреляна по секторам из орудий и минометов. К тому же, японское командование задействовало здесь много снайперов-смертников. Солдаты проявляли массовый героизм, но без технической поддержки имели только потери, и результаты были незначительными. С нашей стороны были большие потери, особенно среди командного состава. Многие из них прибыли воевать с Японией с западного фронта, как на парад победителей, в новой форме с золотыми погонами. По блеску этих погон японские снайперы легко «вычисляли» советских офицеров и отстреливали. Японцы отличались особым фанатизмом, были хорошо подготовлены. Достаточно было японскому солдату отбежать на десять метров, и его практически невозможно было найти, так как ползал он, как змея, прячась в складках местности. У них было очень удобное, легкое обмундирование. Мягкая обувь напоминала кеды с отделенным большим пальцем. А также совершенное стрелковое оружие. Думаю, они не были готовы к стремительной атаке нашей армии, рассчитывали, что сами будут нападать на обескровленный войной с Германией Советский Союз.

В течение десяти дней бои шли с переменным успехом, пока к нам не пробилась с главного наступательного направления основные части с танками. Две роты, стрелковая и автоматная, были подняты в атаку вместе с танками на прорыв обороны противника. Так был взят укрепрайон Котон. В том бою я получил легкое ранение осколком снаряда в голову. Отправили меня в полковой медицинский пункт (ПМП), где я лечился две недели. В этот период мой полк перебросили в другой пункт дислокации, вглубь Сахалина. А роту нашу оставили, так как захватили много пленных японцев в последнем бою, и их нужно было охранять. Пленный японец вел себя смиренно, улыбался. А попробуй, узнай, что на уме у азиата! Неоднократно были нападения на наших бойцов уже после войны в темноте, из-за угла. Например, санинструктор нашей роты старослужащий младший сержант Веденин пострадал. Японец его ранил в пах, кость была раздроблена, и ему пришлось ампутировать ногу. Японское население эвакуировали с острова Сахалин только через год.

Вскоре нам пришлось догонять свой полк, где пешком, где на попутном транспорте добрались до Тохары (Южно-Сахалинска). Затем нас передислоцировали в Отомари (Корсаков), самый южный порт на острове. Нашу дивизию должны были морем перебросить на северный японский остров Хоккайдо. Двое суток просидели на судах, пока не дошли вести, что американцы уже высадили свой десант на Хоккайдо. Нас выгрузили. Получилось так, что полк остался в Александровске-Сахалинском, а мое подразделение оказалось в Корсакове. Нашей роте предложили добираться самостоятельно в Александровск. Прибыли туда во второй половине сентября, тогда-

то я и узнал, что война закончилась. Там же выяснилось, что я потерялся после боя за Котон. В последний раз сослуживцы меня видели месяц назад, когда садились на танки. Комсорг роты написал домой моим родителям письмо, что я пропал без вести. Пришлось срочно писать родителям, успокаивать, что их сын объявился, жив.

Из двенадцати человек моих земляков, попавших в наш полк с одного района, практически из одной школы, нас осталось только двое. Шесть человек погибли, четверо тяжелораненых эвакуировали на материк в Николаевск-на-Амуре. Из нашей роты только двое остались живыми и невредимыми, не считая моей царапины по уху осколком снаряда. Из полка осталась в строю одна треть личного состава, остальные или погибли, или были выведены из строя по ранению. Вот и судите сами, какие были непродолжительные по времени бои и какие ощутимые потери в живой силе.

Память сильнее времени : воспоминания железнодорожников Дальневосточной магистрали о Великой Отечественной войне (1941–1945). – Хабаровск, 2015. – С. 66–70.
